

КОКШАЕВА Нина Овшиновна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАЛМЫЦКИХ
АВТОРСКИХ ДОКУМЕНТОВ середины XVIII ВЕКА**
(на материале писем калмыцкого хана Дондук-Даши)

Специальность:

10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы,
Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(урало-алтайские языки; монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре калмыцкого языка и монголистики ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
Биткеев Пётр Цеденович,
профессор кафедры калмыцкого языка
и монголистики ФГБОУ ВПО «Калмыцкий
государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Убушаев Николай Надбитович,
ведущий научный сотрудник КИГИ РАН
(г.Элиста)

кандидат филологических наук
Яхонтова Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник
Института восточных рукописей РАН
(г.Санкт-Петербург)

Ведущая организация: Институт востоковедения РАН
(г.Москва)

Защита состоится «11» февраля в 11 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 002.006.02 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г.Москва, Большой Кисловский пер.,1, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан «   » января 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических
наук

В.И.Карпов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Лингвистическое источниковедение представляется одним из самых перспективных направлений в современной монголистике. Оно ориентировано на изучение письменных памятников как явления реальной действительности во всей сложности внутренних и внешних взаимосвязей, на системный подход к изучению языка, содержания, структуры и их особенностей. В современных условиях глобализации в связи с изменениями в общественно-политической формации, повлекшей за собой появление новых общественных отношений и новых приоритетов в области культуры, возникает необходимость поиска современных подходов к изучению национальной культуры, языка, литературы, истории. В связи с этим большое значение придается исследованию письменного наследия прошлого калмыцкого народа, в частности, периода становления калмыцкой государственности на территории Российской империи во время правления калмыцких ханов (XVIII в.). Этот период в истории калмыков считается наиболее важным. Большое значение имеет лингвистический аспект изучения письменных памятников, созданных на старомонгольской, классической и ойратской письменностях.

На основе письменности «тодо бичиг» – «ясное письмо» Зая-пандиты (1-я половина XVII века) в прошлом были созданы собственно ойратские биографические сочинения, исторические хроники, летописи, путевые записи, переводы с тибетского, санскрита и других языков, а также документы делового и эпистолярного содержания. Это письменное наследие калмыков охватывает XVII-XIX вв. Оно играло важную роль в жизни калмыцкого народа на всех исторических этапах его развития. Существуют десятки названий документов, различных по содержанию, структуре, стилю, авторской принадлежности и лингвистической ценности. Переписка калмыцких ханов и их современников с первыми лицами Российской империи и других государств, с представителями власти на местах носила дипломатический, официально-деловой, а также частный характер. Ойратские князья в Джунгарии (Китай), по утверждению известного монголоведа Д. Кары [1972: 80], вели переписку с калмыцкими ханами и их семьями в России на старомонгольском языке и на новой – ойратской письменности.

Письма (*bičiq*) калмыцких авторов XVIII столетия представляют собой важную составляющую среди письменных памятников (исторических хроник, летописей, биографических сочинений, путевых записей и т.д.) и занимают особое место в письменной культуре калмыцкого народа. Они содержат уникальный исторический, этнографический, культурологический и лингвистический материал и являются одним из важных источников изучения исторического прошлого калмыцкого народа и его национального языка, поскольку сконцентрировали в себе лексические, грамматические особенности ойратского, а значит и старописьменного калмыцкого языка определенной исторической эпохи. Проблема классификации их как памятников письменности делового и эпистолярного содержания в монголистике стоит остро. Пока наблюдаются лишь отдельные попытки провести общее разграничение архивных документов, созданных на письменности Зая-пандиты, в настоящем калмыковедении названных общим словом '*bičiq*'. Здесь необходимо дать разъяснение этому слову.

Слово *bičiq* – ‘эпистола’ (лат. *epistula* < греч. *ἐπιστολή*), имеет несколько значений. В словарях К.Ф. Голстунского (1893-1895, А.М. Позднеева (1911), О.М. Ковалевского (1884, 1846, 1849) и в современном КРС (1977), в БАМРС (2001-2002) оно дано как ‘письмо, официальное, деловое, частное, личное’; ‘надпись’, ‘письменность’, как письменное сообщение любого содержания и т.д. В монголистике, в отличие от официального письма, частное письмо определено словом *zakiy-a*, а *zakidal* ‘письмо, корреспонденция’, *zarliq* – документ, имеющий характер указа или грамоты. Слова *bičiq* и *zakidal* образованы однотипно от глагольных основ *biči-* ‘писать’, *zaki-* ‘приказать’ при помощи словообразовательных аффиксов *-q (-g)* и *-dal*. Таким образом, слово *bičiq* ‘письмо’ принято как общее наименование авторских документов и в зависимости от сочетания с другими словами обозначает конкретный документ с конкретным содержанием, отличающим один вид документа от другого. Оно также рассматривается как письмо официальное, деловое, а может быть даже и частное, деловой документ, калмыцкие авторские документы переписки. Они представляют собой особый вид письменных памятников, имеющих разный генезис и традиции, содержащих в себе опыт предшествующих эпох. Хранятся они в центральных архивах нашей страны и, возможно, и за рубежом, как, например, письма монгольского императора Гуюк-хана и Хулагида иль-ханов Ирана Аргуна и Ульдзейту (XIII-XIV вв.), которые находятся в фондах архива Ватикана и Национального архива Франции. В фондах Национального архива Республики Калмыкия (далее НА РК), Российского государственного архива Древних Актов (РГАДА) (г. Москва) нами выявлены разного вида авторские документы за 1714-1771 гг., а в фонде библиотеки Восточного факультета СПб госуниверситета обнаружены самые ранние письма калмыцких авторов за 1708, 1710, 1711, 1713 гг. По утверждению В.Л. Котвича [1919: 791-822], первое упоминание об отправке ойратами письма – *bičiq*, составленного на старописьменном монгольском языке (далее СМПЯ), относится к 1636, 1642, 1644, 1658 гг., а первое письмо на ойратской письменности *bičiq* (далее ОП) хошутского Аблай-тайши датируется 1662 г. [Кара Д. 1972:80].

Об уникальном значении памятников письменности, в том числе и эпистолярного жанра, и необходимости их исследования независимо от их языковой принадлежности, высказывались академик В.В. Виноградов, Ю.В. Рождественский. Исследователи русского эпистолярного наследия С.И. Котков и Н.П. Панкратова, А.П. Романенко, а также монголоеды **академик** Б.Я. Владимирцов, академик С.А. Козин, В.Л. Котвич, Л.С. Пучковский, Г.Д. Санжеев, Н.Н. Пальмов, Ц.-Д. Номинханов, академик Цэндийн Дамдинсурэн, А.В. Бадмаев, Д.А. Сусеева и др. В связи с этим Г.Д. Санжеев [1963: 3-4] высказывался за исследования любых письменных источников для выявления диалектных особенностей монгольских языков. Сведения, зафиксированные в личных авторских документах делового содержания, являются очевидными свидетельствами давно минувших эпох, в том числе и языковой ситуации. Это в определённой степени предопределило выбор темы данной диссертационной работы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена исключительной важностью современных изысканий для изучения истории языка, особенностей формирования современного калмыцкого языка в его литературном и диалектных вариантах. Благодаря именно сравнительно-историческому направлению в монголистике

становится возможным выявить на конкретных авторских документах переписки языковые особенности и их частности, характеризующие народно-разговорный язык, которые могут быть не замечены при исследовании других видов источников. В связи с этим необходимо углубленное изучение калмыцких авторских документов переписки XVIII в. делового и эпистолярного характера. Без их изучения в сравнительно-историческом аспекте исследование не будет полным.

Данная работа связана с общетеоретической проблематикой формирования калмыцкого национального языка, и в ней совершенно обосновано выступают основными источниками тексты повседневности – письма, основной функцией которых была письменная коммуникация. Общими условиями для них являются целевые установки, направленные на определённые действия. Исследуемые письма представляют собой особый вид разнородных авторских документов, имеющих разный генезис, традиции, время создания, где основными компонентами выступают автор и адресат, их главные составляющие – цель и объект.

Целью работы является лингвистическое исследование строевых элементов языка калмыцких авторских документов переписки эпохи правления калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- исследовать особенности содержания и показать структуру авторских документов переписки, определить их статус и дать характеристику эпохи;
- провести анализ графико-фонетических и орфографических особенностей языка исследуемых материалов на ойратской письменности;
- выявить лексико-семантические особенности в контексте сравнения с соответствующими лексическими единицами СПМЯ;
- описать морфологию именных частей речи, глагольных форм и наречия;
- выявить своеобразие синтаксических конструкций предложений, построенных на заочном диалоге.

Объектом исследования являются лингвистические аспекты процесса формирования, развития и функционирования калмыцкого национального языка, а также содержание, структура и палеографические особенности авторских деловых документов переписки середины XVIII в.

Предметом исследования являются графико-фонетические, орфографические и лексико-семантические особенности лексического состава, морфология именных частей речи, глагольных форм и наречия, а также некоторые аспекты синтаксической конструкции предложений, построенных на основе заочного диалога.

Материалами исследования послужили уникальные, извлечённые из архивных фондов, деловые документы переписки, авторами которых были Дондук-Даши и его современники (середина XVIII в.). Из общего количества, выявленных деловых авторских документов, в круг исследования введены свыше 70 документов, а именно следующие их виды: *andaŋariyin bičiq* ‘клятвенное письмо, клятва’, ‘присяга’; *xāluŋayin bičiq* ‘дорожная карта’ и другие проездные документы; *bičiq tamŋa* ‘документ на шёлковой ткани желтого цвета, дающий право на получение сословного титула; *tamŋa bičiq* ‘значимое письмо, прошение, официальное’; *zarŋa bičiq* ‘письмо-иск’; *zarliq bičiq*, *zarliq* или *uŋas* ‘указ, повеление, официальное письмо, распоряжение’. *zarliq bičiq* относится к более раннему историческому периоду. *zarliq zaŋā ŋara-mata* ‘официальный

документ', дающий право на какие-либо официальные действия, связанные с российской государственной политикой. Это может быть указ, грамота высших инстанций; *zar tarxaxu zarliq (bičiq)* 'манифест, официальный документ' и другие виды авторских документов, которые до настоящего времени не подвергались лингвистическому исследованию. Они содержат богатый материал для исследования калмыцкого языка XVIII в. Являясь творчеством определённого автора, они представляют собой деловые, официальные и частные документы переписки, созданные на ойратской письменности.

Авторские документы стилистически не однородны. В них функционируют элементы письменной и устной речи. Они своеобразно комбинируют разные стилевые и языковые особенности. Отдельные группы писем допускают сочетания разных стилистических элементов с преобладанием тех или иных особенностей в зависимости от сферы и характера общения, а также от целевой установки коммуникации. Содержание их заключено в показе реальных фактов, событий, многообразной, иногда детализированной панорамы социальной действительности, пережитой самими авторами писем и, соответственно, всем калмыцким народом рассматриваемой исторической эпохи. В сообщениях была заключена авторская оценка событий, раскрывающая причинно-следственную их связь, как местного, так и российского масштаба. Они сравнительно хорошо отражают местную окраску и дают новый материал для сравнительно-исторического изучения старописьменного калмыцкого языка, его литературных традиций и диалектных особенностей. Их изучение позволяет проследить, как на протяжении нескольких веков происходило развитие языка, какое влияние оказывала живая речь на сложившийся в XVII веке ойратский литературный язык, какие процессы происходили в области фонетики, орфографии, лексики, морфологии, синтаксиса. Именно изучение этого письменного наследия позволило бы лучше представить особенности жизни калмыцкого народа в более ранние периоды его истории.

Авторы в своих письменных обращениях привносили индивидуальные языковые особенности независимо от орфографических норм, существовавших в тот период. Высказывание академика Б.Я. Владимирцова [1929, II: 28] о том, что "...влияние народной речи стало обнаруживаться и на правописании, потому что она стала отражать фонетические особенности диалектов, и на морфологии, тоже менявшейся под влиянием заимствований народных говоров и на словаре...", характеризует и состояние языка авторских деловых документов XVIII столетия. Особенности документов переписки являются синкретизм, смешение исторического и литературного жанров, стилей. Особенности графики, орфографии, лексики и морфологии языка исследуемых источников рассматриваются в сравнительно-историческом аспекте с соответствующими уровнями СПМЯ. Генетическое и историческое соответствие старописьменного калмыцкого языка и старописьменного монгольского языка обусловлено процессом развития как языков агглютинативного типа, но вместе с тем в них наблюдаются свои характерные расхождения и свои особенности. Так, например, в графике появление новых элементов в начертании букв, графическая точность передачи гласных и согласных, в фонетике – способ обозначения долгих гласных, появление новых согласных, передающих особенности ойратской письменной системы и соответственно старописьменного калмыцкого языка. Лексика характеризуется диалектными особенностями. В морфологии

такие особенности выражены в классификации слов, в системе склонения, в глагольных формах, грамматические категории которых имеют общие значения с данными СПМЯ. Необходимо отметить, что каждый раздел грамматики СПКЯ имеет свои особенности. Одной из причин является отдалённость данной этнической группы от основного монгольского этноса и развитие старописьменного калмыцкого языка в ином языковом и геополитическом окружении, но в соответствии с общемонгольскими письменными традициями халхов, ойратов и под непосредственным влиянием народно-разговорного языка и его диалектных особенностей. Напр., частое употребление слова *uralan* в сочетании *uralan iredeq* 'пребывали и раньше', *balyasan büridü* 'почти в каждом населённом месте', *ireleilē* 'пребывали' говорит о том, что здесь речь идёт о прибытии ойратских семей из Джунгарии. Диалектные особенности проявляются в заимствованных словах, антропонимах, топонимах и т.д. Возможно, эти факты сыграли важную роль в формировании калмыцкого литературного языка XVIII в. Исследование особенностей употребления вариативных форм в языке в пределах одного вида авторских документов, но в стилистически разнородных текстах, позволяет также сделать вывод о типах словоизменительной вариантности в языке XVIII века.

В диссертационной работе делается попытка комплексного изучения авторских документов переписки как особой разновидности источников с точки зрения формулярного анализа текста, его структуры, состоящей из трех частей: *начало* – зачин, *центральная*, *содержательная часть* и *окончание*. Палеография авторского письма представляет собой рукопись, созданную чётким, ясным почерком, характерным для древне- и общемонгольских письменных традиций, с начертанием конечных букв с особыми разводами. Почерки разные, но по утверждению Д. Кары [1972: см. прилож. таб. 8, 23], приближаются к уставному. Почти каждый авторский текст закреплён печатью автора. Печати самого разного размера и содержания, где указано имя владельца и слово «тамга», вырезанное либо квадратным письмом, либо ойратскими буквами. Текст оригинала начинается с общемонгольского знака «бирга», затем согласно древне- и общемонгольским традициям и традициям русского эпистолярного стиля даны сведения об адресате: его статус, регалии, занимаемая должность и в конце зачина приведены имя, отчество и фамилия. Затем после традиционного отступления следует содержание письменного обращения автора, которое имеет свои особенности, и конец письма завершается данными автора. После традиционного отступления приведены сведения о дате и месте его составления. Следует отметить, что указанные атрибуты текста в монголистике не получили должного изучения. Изучение региональных архивных материалов, созданных на ойратской письменности, на современном этапе исследования наталкивается на большое количество нерешённых проблем.

Методы исследования. Специфика предмета исследования и поставленные задачи обусловили использование в работе следующих *методов и приёмов*. При исследовании графико-фонетических и орфографических особенностей, лексического своеобразия, морфологии частей речи, а также при выявлении общего и особенного в языке деловых документов использовался сравнительно-исторический метод. В этот комплекс также входили такие исследовательские приёмы, как наблюдение, аналогия, обобщение и вывод. Авторское письмо рассматривается как текст-

феномен, отражающий время, конкретные социальные условия, опыт предшествующих эпох. Данное исследование основано на трудах и опыте многих учёных, известных монголоведов и русистов.

Состояние изученности проблемы. В монголистике накоплен достаточно богатый опыт исследования историко-литературных памятников монгольских народов: хроник, летописей, путевых записей, биографических сочинений (см. труды А.М. Позднеева, Г.Ц. Цыбикова, Б.Я. Владимирцова, С.А. Козина, В.Л. Котвича, Н.П. Шастиной, Л.С. Пучковского, Н.Н. Поппе, Цэндийн Дамдинсурэна, М.Н. Орловской, Ц.Б. Цыдендамбаева, А.В. Бадмаева, В.И. Рассадина, Г.Ц. Пюрбеева, А.А. Дарваева, Н.С. Яхонтовой, Л.В. Бадмаевой, Б.З. Базаровой, Б.В. Бадмаева, Е.В. Бембеева и др.). Исследование эпистолярного наследия монгольского императора Гуюк-хана, Хулагидов иль-ханов Аргуна и Ульдзейту (XIII-XIV вв.) проведено ориенталистами (А. Ремюза, Я.И. Шмидт, П. Пеллио, С.А. Козин, В.Л. Котвич, Л.С. Пучковский и др.). Исследование писем Аюки-хана и других авторов начала XVIII в. – Д.А. Сусеевой, Д.Б. Гедеевой, Н.Д. Асировой. Изданы письма ханов Убаши (2005) и Дондук-Даши (2011). Имеются статьи, посвященные некоторым аспектам языка авторских писем (Д.А. Павлов, Н.Н. Убушаев, А.А. Хараев, Р.П. Харчевникова, А.Э-Г. Уланова и др.). Однако до настоящего времени специального исследования, посвященного изучению языка и структурной специфики калмыцких авторских документов эпохи Дондук-Даши и его современников (середина XVIII в.), в калмыковедении предпринято не было.

Теоретическая основа исследования. Для более углубленного осмысления и определения калмыцких авторских деловых текстов как феномена, и их роли и месте в составе других крупных памятников ойратской письменности. и их исследования в плане сравнительно-исторического метода были использованы труды известных языковедов (И. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Ю.В. Рождественский и др.), тюркологов (А.М. Щербак, С.Е. Малов, В.М. Насилов и др.), монголоведов (Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, С.А. Козин, Цэндийн Дамдинсурэн, В.Л. Котвич, Н.Н. Пальмов, В.И. Рассадин, Г.Ц. Пюрбеев, П.Ц. Биткеев, А.В. Бадмаев, Д.А. Сусеева, Н.С. Яхонтова, Л. Б. Бадмаева), зарубежных учёных Д. Кара, Х. Лувсанбалдан и др.), исследования эпистолярного наследия русского языка (С.И. Котков, Н.П. Панкратова, А.П. Романенко), а также грамматики и другая научно-справочная литература. Исследование базируется на общих принципах интегральности описания и сочетания общего и единичного, функционально-семантического и структурного подходов к языковым явлениям с точки зрения общемонгольских языковых традиций с опорой на теоретические и методологические положения, принятые в монголоведении и русистике. Труды этих учёных имеют принципиальное значение для понимания сущности рассматриваемой проблемы и соответствующей её интерпретации.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены новые виды калмыцких документов переписки Дондук-Даши и его современников, которые ранее не подвергались лингвистическому анализу. Проведено сравнительно-историческое исследование строевых элементов языка и палеографических особенностей текста, характеризующих определённый синхронный срез. Научная новизна состоит в том, что впервые детально описаны в сравнительно-

сопоставительном аспекте графико-фонетические особенности и орфография языка авторских документов, своеобразии лексики и терминологии. Авторские тексты представлены как тексты-феномены, функциональный документ. Такая задача ставится и решается в монголистике впервые. Можно предположить, что результаты исследования позволят дополнить имеющиеся в монголистике теоретические сведения об особенностях становления языковой системы калмыцкого языка на переходном этапе его развития, а также обозначить диахроническую специфику старописьменного калмыцкого языка. Впервые проведён статистический анализ авторской лексики.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что исследование даёт представление о состоянии старописьменного калмыцкого языка, особенностях ойратской письменной системы, орфографических норм языка и влияния орфографии старописьменного монгольского языка на уровне фонетики, лексики, морфологии. Полученные выводы могут быть использованы для сравнительно-исторического исследования языка, анализа исторических документов и исторических текстов различных эпох, созданных на СПМЯ и ОП, которые позволят по-новому интерпретировать широкий круг вопросов теории и истории в монгольском языкознании.

Практическая значимость. Публикация авторских документов разных видов, созданных на ойратской письменности будет способствовать расширению наших знаний о духовной культуре калмыцкого народа в прошлом. Результаты исследования могут быть использованы при написании истории калмыцкого литературного языка, при разработке спецкурсов по исторической морфологии и лексикологии калмыцкого языка.

Ряд разделов диссертации, а также исследуемые тексты документов, их переводы могут быть включены в качестве самостоятельных тем в лекционные курсы и семинарские занятия в востоковедных высших учебных заведениях. Материал диссертации найдёт применение в лексикографии монгольских языков, при составлении толкового и двуязычных словарей.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1. Автором впервые выявлены новые архивные материалы, созданные на ойратской письменности, проведено лингвистическое исследование содержания, структурной специфики и палеографических особенностей деловых документов переписки XVIII в. на основе принципов преемственности и традиций древне- и общемонгольской, а также русской письменных культур. В них отражена история развития калмыцкого национального языка, человеческий фактор, опыт предшествующих эпох.

2. Язык авторских документов переписки XVIII столетия отражает исторический процесс развития старописьменного калмыцкого языка, генетически восходящего к классическому монгольскому языку определенной исторической эпохи, обладает свойствами, характерными для агглютинативных языков и включает народно-разговорный язык и определенные диалектные особенности.

3. Система гласных и согласных алфавита ойратской письменности, употребляемых в авторских документах переписки Дондук-Даши, выведена на принципах СПМЯ

и исторически связана с его традициями. Гласные и согласные имели свою фонетическую специфику, отражавшуюся на письме в виде графических особенностей этих письменных документов. Гласные подразделяются на краткие нормальные, долгие и дифтонги, а согласные – *debisker üsüq* и *debisker busu üsüq* («вокализованные согласные») и «невокализованные согласные»), употребление которых в слоге и слове подчинено фонологическому принципу СПКЯ, исторически связаны с традициями СПМЯ. Основным принципом употребления гласных и согласных в слоге и слове является закон сингармонизма. В процессе работы над авторскими документами середины XVIII века автором впервые выведены способы образования долгих гласных.

4. Впервые автором выявлены орфографические нормы, функционирующие в авторских текстах переписки, в также влияние орфографических норм СПМЯ не только на фонетику, но и на лексику (значение слов) и морфологию (употребление показателей грамматических категорий глагольных и именных частей речи).

5. Автором впервые проведена классификация лексического состава авторских документов переписки XVIII в. по происхождению (общемонгольские, исконно калмыцкие, заимствованная лексика, фразеологические и другие устойчивые сочетания) и определено 15 терминологических и этимологических тематических групп. Дан статистический анализ авторской лексики.

6. В авторских текстах используются все части речи, но наиболее употребительными являются существительные, глагольные формы и местоимения. Они функционируют по определённым специфическим правилам, характерным для старописьменного калмыцкого языка и свойственным агглютинативным языкам.

7. Даны краткие сведения о структуре предложений, построенных на заочном диалоге. Здесь присутствуют два типа речи – диалогическая (устная) и литературная (письменная).

В языке авторских документов переписки эпохи калмыцкого хана Дондук-Даши сохранены принципы и традиции древне- и общемонгольской письменной культуры и иноязычного окружения. Они отражают ту общую основу, благодаря которой и создавался язык нации как системное и функциональное образование. Они представляют собой особый вид разнородных авторских документов, имеющих разный генезис, традиции, время создания. Обязательным их компонентом является автор и адресат. Общим компонентом изучаемых авторских документов является цель и объект, как важный источник лингвистического исследования их структурных элементов. Лингвистическое описание раскрывает сложную картину развития самого калмыцкого общества в ином геополитическом пространстве, формирование нового этноса и, соответственно, его языка. В нём сохранены те элементы, которые характерны для живого народно-разговорного языка, а значит, и авторской речи, в сочетании с элементами литературного языка, диалектными свойствами, а также взаимовлияние и взаимопроникновение особенностей другого языкового окружения. Закрепляя на письме наиболее значимые для того момента процессы, которые возникали в языке, они, таким образом, как бы утверждали их, давали им право на существование.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы, приложений: 1. тексты в транслитерации на латинице с переводами на русский язык; 2. словарь (из 1200 слов и словосочетаний). Текст диссертации в объёме 230 стр., список литературы с. 231-244 и приложения с. 245- 289. .

Апробация работы. Издана монография «Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши» (2011). Основные положения были опубликованы в журнале, рецензируемой ВАК (Тамбов, 2007), на *английском языке* в материалах PIAC (Хельсинки, 1998; Хухэ-хото (Китай) в соавторстве), в материалах Конгресса востоковедов ICANAS-37, ICANAS-38, Международных конгрессов «Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций: язык, культура, этнос» (Элиста, 2005)», «Чингисхан и судьбы народов Евразии-II» («Вестник» БГУ, 2007), научных сборников: «Живой язык» (Элиста, 2007), «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований» (Элиста, 2009), постоянно действующего семинара «Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики» (Элиста, 2008) и др. Опубликовано свыше 20 статей и 2 тезиса (с 1976-2013 гг.). Изданы учебник «Монгольская письменность (XIII век)», утверждённый грифом УМО МОиН РФ и методические указания.

Общий объём, изданных в различных научных сборниках и сборнике «Национальные языки в эпоху глобализации: Россия-Монголия» (Институт языкознания РАН, Москва, 2011), **Россия-Монголия: культурная самобытность** монголоязычных народов» (Калмгосуниверситет, 2013) переводов научных статей монгольских и китайских учёных с современного монгольского, СПМЯ, сутры с ОП «Очищение земли, воды и пространства» (Чита), составляет свыше 150 а.л.

Основные положения диссертации обсуждались на расширенном заседании кафедры калмыцкого языка и монголистики Института калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дано обоснование актуальности темы исследования, определены степень ее изученности, цель и задачи, объект и предмет, структура работы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, указаны методы комплексного лингвистического исследования источников, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Глава I. «Некоторые вопросы истории управления Калмыцким ханством Дондук-Даши и его документы переписки середины XVIII в.». Данная проблема впервые рассматривается в калмыковедении и описана в следующих параграфах:

1.1. Характеристика эпохи правления калмыцкого хана Дондук-Даши.

Здесь кратко описана история почти двадцатилетней деятельности калмыцкого хана Дондук-Даши и эпоха его правления. История ойрат-калмыков тесно связана с именем Дондук-Даши – известным предводителем калмыцкого народа, оставившего заметный след в укреплении межнационального единства и целостности не только Калмыцкого ханства, но и юга Российской империи.

1.2. Содержание и структура авторских документов переписки XVIII.

Исследуемые нами источники можно отнести к группе источников по месту их создания определенными авторами в рамках конкретного исторического времени, **предназначенных** известным адресатам. Каждое письмо несёт определённую информацию, разную по содержанию, целям и функциям, имеет статус делового документа, своё авторское строение, определяющееся **национально-конфессиональными** особенностями. С точки зрения композиционного построения они хра-

нят в себе стройные фрагменты, признаки делового официального письма и свидетельствуют о системном организованном единстве языковых принципов. Каждая разновидность текста в соответствии с содержанием характеризуется коммуникативными функциями, целевой установкой, определённой структурой, стилем и соответствующими языковыми средствами. При анализе содержания текста документа нами выведена его структура, формуляр, состоящий из начала (зачина), центральной, главной, содержательной части и окончания. Начало (зачин) состоит из реквизитов, обозначивших статус, чин адресата, его должность, затем имя, отчество и фамилия, в центральной, главной – изложена сама суть письменного обращения, конец или окончание завершается данными автора. Каждый текст документа характеризуется палеографическими особенностями, которые свидетельствуют о его специфике.

Зачин **был строго регламентирован и обязателен**, имеет свои варианты, начинается с общемонгольского знака «бирга», показателя любого письменного начала, с **своеобразным графическим** вариантом, например: *Don Grob Bgra-ši bi mendü. abača mini Artamai Boloyski mendü beyize.* “Дондук-Даши, я пребываю в здравии. Уважаемый господин мой Артемий (Петрович) Волынский, надеюсь, здравствуете”. *Yeke imprātoriyin itegeltei üyileci tayini sobedni, ayi-darxani gūbernī gūbernātor Basilei Mikid üci Tatiši-btu itegeltei xayrladaq axa dān bariba.* “Его Превосходительству, тайному советнику, управляющему делами Её Императорского Величества, губернатору Астраханской губернии, глубокоуважаемому Василию Никитичу Татищеву, с искренней любовью и преданностью, моему старшему брату направлено” (письмо).

В основной части письма сосредоточена вся смысловая целостность авторского обращения. По характеру изложения эта часть противопоставляется началу и окончанию. Главное – секретное содержание центральной части, согласно древне- и старомонгольским письменным традициям, заключено в уста посыльного: *elči amār kelekü* – ‘посланник выскажет устно’; *zanggiyini amanāsa-ni suraji sonsöd yamar züyigiyini ta medekü ülü bayinu* “сведения Вы получите из его уст, надеюсь, вам они будут не безынтересны”. Таким образом, самое ценное в центральной части как бы переносится на конец повествования. Такая традиция не всегда присутствовала в письмах калмыцкого хана Дондук-Даши и других авторов. При этом, согласно древне- и общемонгольским традициям, применялись два способа: письменный и устный. О последнем способе сообщения писал Рашид-ад-дин как о монгольском обычае – устным способом передачи известий при помощи так называемых ‘устных писем’ «из уст-в-уста».

Концовка письма композиционно находится в зависимости от его содержания, а также от социального положения автора, степени дружеских отношений с адресатами, и, главное, – от цели письма. Она **завершалась** указанием статуса автора и его имени: *tani döü Dün Rüb Raši* ‘Ваш младший брат Дондук-Даши или *tani itegeltei inaq xan Gdon Rob Raši* ‘Ваш преданный (верный) друг хан Дондук-Даши’. Далее следовал оттиск печати автора. Затем закономерный отступ от основного текста, в самом конце письменного сообщения указаны дата и место создания документа, хотя последние сведения не всегда присутствовали.

Палеографические особенности писем заключаются в следующем: почерк четкий, легко читается и по утверждению Д. Кары [1972], приближается к уставному, написано тонкой камышинкой или пером, черными чернилами, тушью на канцелярской бумаге XVIII в. или шёлке. Текст расположен по вертикали листа, вмещающего свыше 21 строки. Встречаются тексты однолистные, двусторонние. Расстояние между строками строго соблюдается 1,5 см. Каждый текст письма имеет сверху левого угла знак – бирга. Здесь соблюдены как русские, так и общемонгольские формулярные традиции. Можно предположить, что в калмыцком языке существовала соответствующая организация письма, где составные части письма характеризуют относительно полную ритуальную структуру всего текста.

Глава II «Графико-фонетические и орфографические особенности калмыцких авторских документов переписки середины XVIII в.» состоит из 2-х параграфов: «Графико-фонетические особенности»; «Особенности орфографии». В данной главе рассмотрены основные аспекты графико-фонетической системы и орфографические особенности старописьменного калмыцкого языка. При написании данной главы были использованы труды как по общему языкознанию (Л.В. Щерба, Ф.де Соссюр), так и по монголистике известных российских и зарубежных ученых (Б.Я. Владимирцов, грамматики А.В. Попова, А.А. Бобровникова, В.Л. Котвича, Г.Д. Санжеева, Д. Кара, Х. Лувсанбалдан и др.).

2.1. «Графико-фонетические особенности». Гласные и согласные ойратского алфавита и их дистрибуция выведены с учётом преемственной связи с системой гласных и согласных старописьменного монгольского языка (СПМЯ).

Система гласных (7). Каждая гласная на письме передана соответствующими элементами-графемами и в отличие от СПМЯ обозначена диакритическими знаками. В авторских текстах переписки функционируют гласные всех качеств: краткие нормальные, долгие, дифтонги и двослоги: [a, ā] а, аа [o, ō] о, оо; [u, ū] у, уу; [e, ē] е, ее, э, ээ; [ɔ, ɔ̄] ө, өө; [ü, ǖ] ү, үү; [i, ī] и, ии; *ayi/ai, eyi/ei, oyi/oi, uyi/ui, üyi/üi; iyi/iy; au/eü, ou/öü, iü; uu, üü.* Подлинную фонематичность гласные проявляют лишь в первом слоге, поскольку именно гласная первого слога базового корня в зависимости от краткости и долготы является более смысловоразличительной, чем гласные последующих слогов: ср. *taxa* ‘подкова’ – *tāxu* ‘разгадывать’, *tulaxu* ‘подпирать’ – *tüilaxu* ‘страдать’ (от кишечного заболевания). Выведены способы образования долгих гласных:

1) особым знаком долготы <-> – диакритикой: *barā* ‘силуэт’, *temē* ‘верблюд’;

2) повтором гласных *uu, üü* или сочетанием *ou, öü, eü, iu*: *buruu* ‘ошибка’, *döü* ‘младший брат, младший в семье’;

3) комплексом (Г+С+Г) СПМЯ: *saya=sā* ‘доить’; *degege=degē* ‘крючок’;

4) сочетанием **-оф-**; **-аф-**, **-еф-** и **:-iya<-iy-a, -iye<-iy-e: takiya=taqā** ‘курица’;

[iu] передает долгую гласную [ū] и характеризует традицию и способ передачи на письме согласных [z] и [j], [c] и [č]: *xabčülād* ‘втиснув, прищемив’, но вместе с тем встречаются следующие варианты слов типа: *bičīd* ‘написав’. На основании анализа выведен принцип употребления гласных второго, третьего и последующих слогов. Согласно закону сингармонизма происходит чередование гласных в следующем порядке: *ü→e, o→ā, ö→ǖ, e→ü, e→e, a→ā, a→a e→i, o→o*. Исходя из вышесказанного, можно предположить, как это принято в СПМЯ, что гласные **a** [a],

о [o], и [y] – эр эшиг употребляются в словах заднего ряда и образуют эр үг ‘мужские слова’, а гласные е [e, э], ө [ө], ү [ү] – эм эшиг употребляются в словах переднего ряда и образуют эм үг ‘женские слова’, а гласная і [и] – саармг эшиг присутствует в словах любого ряда, однако слова с этой гласной относятся к эм үг ‘женским словам’. Гармония гласных не распространяется на окончания орудного -iyür и исходного -ēse падежей. Гласная [ə] и долгая [əə] присутствуют только в ойратском, соответственно, в калмыцком языке. Существуют различные точки зрения по поводу происхождения этих гласных. Можно предположить, что [ə] и долгая [əə] существовали в ойратском письменном языке во времена создания алфавита ОП. Автор письменности Зая-пандита не смог из-за отсутствия их в других монгольских языках обозначить отдельной графемой, т.е. определить символ, графически воспроизвести на письме и дать ей графическое обозначение: *amin* = *эмн* и *ayimaq* = *эмг*.

Системы согласных. В трудах монголоведов и калмыковедов (Д.А Павлов, А.В. Бадмаев, Х. Лувсанбалдан и др.) указано разное количество согласных в алфавите ойратской письменности, а также галиков, особых транскрипционных знаков. Графика согласных передана совокупностью уйгуро-монгольских и собственно ойратских средств-элементов и уточнена специальными диакритическими знаками в отличие от СПМЯ. Особенность употребления некоторых аффрикатов [c] и [č], [j] и [z] в слове и слове выведена на основании концепции академика Б.Я. Владимирцова, Г.Д. Санжеева и Н.С. Яхонтовой. Согласные [ɣ], [g], [q], передают разные аллофоны, но в транслитерации переданы буквой /r/, согласные [k], [k̄] [x], подвергнуты определённому преобразованию и передают аллофоны одной и той же фонемы /k/. Для передачи заимствованных слов употребляются специальные графемы-галики: [ ] *j* (жа) *jalba* (кит.) ‘жалование’, [ ] *v* (ва) *vekseli* (лат.) ‘вексель’, [ ] *j* (жа) *Jilin* Жилин. Употребление согласных букв зависит от закона сингармонизма. Появление новых согласных, отсутствующих в СПМЯ, *k* (ка), *q* (га, гэ), *ɣ* (га) характеризуют фонетические особенности калмыцкого языка. Согласные подразделяются на 2 класса: *debisker üzüg debiker busu üzüg* ‘вокализованные согласные’ и ‘невокализованные согласные’. Различие между этими двумя классами состоит в том, какую роль они играют в структуре открытого или закрытого слога. Согласные *l, m, n, b, r, s, d* употребляются во всех трех позициях слова, а согласные *ng, q, r* – в середине и конце слова и являются *debisker üsüg*: примеры: *mö/ü/rgükü* ‘кланяться, молиться’, *berke* ‘трудно’, *amuyūlang* ‘мир, покой’, *sedkil* ‘душа’, *nom* ‘учение’, *dolōn* ‘семья’ и т.д. Согласные: *j, z, c, č, x, ɣ, t, k, g, k̄, š* употребляются в начале и середине слова, образуют открытый слог: *casun* ‘снег’, *eke, ēji* ‘мать, бабушка’, *axa* ‘старший брат, старший в семье, уважаемый’, *baxa* ‘радость, наслаждение’, *ɣar* ‘рука’, *ger* ‘жилище, юрта’, *čikin* ‘уши’, *jiryal* ‘счастье, удача’, *kereq* ‘дело’, *saḡusun* ‘амулет’ и т.д.

2.2. Особенности орфографии. Орфография ойратского письменного языка основана на графике, согласно письменным традициям выработанной самим Зая-пандитой и приведенной в его трудах “*olon nomiyn ündüsün üzügiyin ilyal*”, “*üzügiyin nayiralya*”. И, как утверждает Л.Р. Зиндер [Общая фонетика, 1960: 342]. «... орфография строит свои правила, опираясь на правила графики данного языка». Нормы орфографии также отражали принципы преемственности старописьменного монгольского языка, этимологический и традиционный. Ойратская письменность и ойратский письменный язык, значит, и старописьменный калмыцкий язык функ-

ционировал преимущественно в сфере переводов буддийских текстов, в деловой и частной переписке. Однако орфографические нормы XVII-XVIII вв., надо полагать, не отличались устойчивостью. И поэтому мы наблюдаем в текстах официальных документов калмыцких авторов значительный разброс, не последовательность использования орфографических норм. Калмыцкие авторы в ходе своей письменной коммуникации, согласно своему историческому времени, вырабатывали “свои” правила правописания, которые в определённой степени также были связаны с их диалектными особенностями. Правильный дифференцированный подход и оценка орфографических принципов старописьменного калмыцкого языка рассматриваемого исторического периода сыграет важную роль и даст возможность выяснению действующих норм орфографии в современном калмыцком языке. Существуют разные точки зрения учёных-монголоведов на процесс формирования орфографии старописьменного калмыцкого языка. Рассмотрим их точки зрения на функционирование орфографических норм в языке рассматриваемого исторического периода. Нормы орфографии старописьменного калмыцкого языка связаны с графической системой ойратской письменности, включающих принцип графически единообразного в определенных позициях начертания элементов букв алфавита ОП, слитное или раздельное написание словообразовательных или словоизменительных аффиксов, передача специальными графемами заимствованных слов и их транслитерация. Одним из основных принципов орфографии является соблюдение закона гармонии гласных, принципа употребления согласных в слоге и слове. В языке авторских писем действовали принципы орфографии СПМЯ, а также нормы орфографии, выработанные самим создателем письменности, а также специфические особенности фонетико-морфологического принципа, связанные с диалектными особенностями СПКЯ рассматриваемого исторического периода. Подтверждением тому является чередование гласных и согласных: /a/~/o/, /a/~/u/, /o/~/u/, /i/~/e/, /e/~/ü/: *xobcasu~xubcasu* ‘одежда’, *xobudaq~xubuduq* ‘жадный, скупой’ [Кичиков 1967: 26], *bulaq~buluq* ‘родник’, *tedke~tedkü-* ‘обеспечить’. Явления, связанные со смешением (чередованием) гласных /a/~/o/ /a/~/u/, /o/~/u/, /i/~/e/, /e/~/ü/, *u-a* В.И. Рассадин [5;1982: 14] объясняет ассимилирующим воздействием последующего исторического *u* (*y*) и специфической особенностью однотипного написания именно этих слов, которые носят диалектный характер. Чередование /a/~/o/ в слове *jaw~jow*, монг.-письм. *yabu*, ойр. *yobo* ‘идти’, по утверждению Б.Я. Владимирцова [1929: § 80], является отражением праязыкового состояния (явление, характерное для многих монгольских языков). Перестановка согласных: *n~m~ng*, *r~l*, *x~q*: *unšixu~umšixu~ungšixu* ‘, *yulir~yuril* ‘мука’, *Axaš=Aqaš* Царицын и т.д. Орфографические нормы старописьменного калмыцкого языка вырабатывались в процессе развития внутренних и внешних ресурсов языка. В их основе лежал фонетико-морфологический принцип. **Заимствованные слова имели свои варианты, к примеру слово ‘советник’ *sobidniq***. В СПКЯ того периода в орфографии **не было** единых норм, в языке писем присутствуют элементы, характерные для живого калмыцкого разговорного языка. Свидетельством тому служат вышеприведённые примеры, связанные с чередованием гласных и другие примеры из текстов авторских писем: *urjunan* ‘прошлым (летом)’, *acaraxu* ‘приводить, принести’, *uralan* ‘раньше, прежде, вперёд’, *bačim kereq* ‘хло-

потное дело', характеризующие диалектные особенности старописьменного калмыцкого языка. Кроме того отражены редкие явления, связанные с редуцией гласных, а также с процессом, свойственным перелому гласной [i] и т.д.

Глава III «Лексико-семантическая характеристика авторских документов середины XVIII в.» состоит из 3 разделов: «Классификация лексики по семантическим группам», «Характеристика состава лексики»: общемонгольская лексика, исконно или собственно калмыцкая лексика, заимствованная лексика. «Фразеологические и другие устойчивые сочетания».

3.1.3.2. Калмыцкий язык писем в своем арсенале содержит значительный по объему и разносторонний по содержанию словарный фонд. По утверждению Т.А. Бертагаева [1974], весь терминологический массив общеупотребительных слов, существующих в монгольских языках, представляет собой общеизвестные понятия, названия предметов, качеств и т.д. Определено 15 терминологических и этимологических тематических групп, выявлены заимствования (из тибетского, санскрита, тюркских языков, русского языка и других восточных и европейских языков), фразеологические и другие устойчивые сочетания, дан анализ этимологии нарицательных слов и происхождения собственных имен. Особый интерес представляет ономастический материал (гидронимы, топонимы, ойконимы, антропонимы), в котором отражены естественно-природные особенности местности и специфика антропонимов, тесно связанных с заимствованными именами. В авторских текстах представлены заимствования из русского языка, которые характеризуют его эпистолярную культуру и тем самым подчеркивают формирование эпистолярного стиля в СПКЯ. В авторских текстах переписки преобладают (в сравнении с ойратскими калмыцкими лексемами) общемонгольские слова, которые употребляются в том же значении, но имеют некоторые графические и фонетические особенности. Впервые проведен статистический анализ авторской лексики. Из 1200 слов и словоформ, выявленных в авторских текстах, общемонгольскими являются 840 лексических единиц (что составляет 70 %), исконно калмыцкими – 240 лексических единиц (что составляет 20 %), а 120 лексических единиц (что составляет 10 %) являются заимствованиями. Отмечены некоторые архаизмы, или устаревшие слова. К историческим архаизмам можно отнести также и некоторые заимствования, характеризующие «канцелярскую» лексику, термины, обозначающие должностных лиц, их звания и титулы, и другие типы слов, которые составляют пассивный запас словаря калмыцкого языка. Изучение лексики в настоящее время требует расширения возможностей исследовательской базы, но пока огромные рукописные архивные фонды разных периодов и эпох до сих пор не стали объектом внимания исследователей. По утверждению монголоведа Г.Ц. Пюрбеева, необходимо дальнейшее всестороннее исследование лексики СПКЯ с использованием других источников на ойратской письменности и созданием специального словаря писем.

3.2.1. Основным критерием определения общемонгольской и исконно калмыцкой лексики был использован фонетико-морфологический принцип. *eke* 'мать', *ečige* 'отец', *degüü~diiü* 'младший брат, младший в семье', *aq-a-axa* 'старший брат, старший', *egči~eqči* 'сестра, уважаемая' и т.д., *mörgü~ mürgü* 'молиться' *mendü~mendü* 'здоровствовать, быть в здравии', *daru-daru-* 'давить', *ire~ire-* 'приходить', *tuγul* 'теленок', *temege~temē* 'верблюд', *mori* 'конь' и т.д. Общемонгольскую и в том

числе калмыцкую лексику составляют именные части речи, глагол и наречные слова.

3.2.2. Исконно калмыцкая лексика представлена словами типа *boodoqči* ‘связующий’, *kitad* ‘подданный, слуга, холоп’, *muxulai*, *yalči* ‘слуга, раб’, *cōxor* ‘холоп’, которые стали архаиками, ушедшими в пассивный запас калмыцкого языка. Обозрение религиозной буддийской лексики свидетельствует о том, что словарь авторских документов содержит значительный материал по истории и этнографии, мифологии и культуре языка калмыков, репрезентируя названия уже исчезнувших реалий и понятий.

3.2.3. Заимствованная лексика. В авторских текстах переписки активно функционирует лексика, заимствованная из русского языка и проникающая посредством русского языка из других языков в процессе различных контактов. В результате в старописьменном калмыцком языке эти заимствования обогатили лексический состав. Это термины, обозначающие титулы, звания, административные должности: *istaršina* ‘старшина’, *gürüdniči* ‘городничий’ и т.д. Таким образом, заимствования как из русского, так и из других языков, составляют значительную часть лексики калмыцкого языка, которая обогащает, расширяя его функции.

3.3. Фразеологические и другие устойчивые сочетания представляют самый интересный пласт лексики старописьменного калмыцкого языка. В авторских текстах употребляются разные типы фразеологических и других устойчивых словосочетаний, которые несут определенную семантическую нагрузку и приобретают дополнительные смысловые значения с экспрессивно-стилистическим оттенком по контексту, тем самым раскрывая специфику авторского письма. В монголистике имеются солидные исследования известных учёных (см. труды монгольских, бурятских, калмыцких и др. исследователей). Здесь мы приведём наиболее интересные с лексической точки зрения те фразеологизмы и образные словосочетания, которые характеризуют рассматриваемый вид документа. Поскольку текст авторского сочинения отличается краткостью, лаконичностью изложения, то значения их по контексту конкретны. Например, *idešidü dura ügei* ‘неподкупный’ (досл. ‘не питающий пристрастия к еде’). *Üge-dü oroxu biši* ‘не подчиниться’ (дословно ‘не войти в чужое слово’), некоторые фразеологизмы имеют грамматическую форму словосочетания, т.е. синтаксически членимы. По форме образования они напоминают законченное предложение. Грамматическая форма подобных предложений закрепляется контекстом: *xäluqayin bičiq abxu* ‘получить дорожный пропуск, дорожную карту’; *ezeni gegēn-dü ayiladaxl barixu* ‘предстать перед Его (Ее) Светлостью, Величеством’, *xara ködölmöši-dü küü zaruji* ‘нести трудовую повинность’ (букв. использовать человека в черной работе); *tanda inagi küseqči* «искренне преданный Вам друг»; *jisāyār künesü ökü* ‘давать, отпускать провизию согласно положению (постановлению)’; *teyimi kümüdi mani nomdu oroulji* ‘крестить, принять христианство’ (букв. таких людей наших окрестили); *xariyātagiyin yosōg* ‘по законам добрососедства’; *uqtai yosutai xalimaq kümün* «калмыки имеют (свои) родословные корни». По определению Г.Ц. Пюрбеева, они выступают как свободные, формально членимые образования, которые в современном калмыцком языке редко встречаются, т.е. относятся к разряду архаизмов, чаще всего имеющие иное лексическое значение. Лингвистический анализ авторских документов переписки эпохи калмыцкого хана Дондук-Даши сере-

дины XVIII в. свидетельствует о богатстве фразеологизмов и устойчивых словосочетаний, обогащающих язык, придающих ему яркость, самобытность.

Языковые данные свидетельствуют о том, что из всех монгольских племен ойраты-калмыки, находясь в ином геополитическом и экономическом окружении, в новых условиях адаптировались и создали свой национальный язык и своё государственное устройство с **судебным** органом Зарго.

Глава IV «Морфологические особенности авторских документов середины XVIII в.» состоит из двух параграфов: «Именные формы: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимения, и глагольные формы: личные, неличные, залоговые формы, наречие» и «Некоторые особенности синтаксических конструкций».

4.1. Классификация слов по типам в монголистике всегда была одной из сложных проблем. Она неоднократно ставилась и решалась как западными и российскими монголоведами, так и монгольскими учёными, и получала разные решения. В своей концепции в вопросе классификации авторы монгольских грамматик опирались на опыт своих предшественников, и на исследования учёных, занимающихся проблемами других языков. К тому же представители каждой российской монголоведной школы подходили к решению данной проблемы с разных теоретических позиций [А.В. Попов, А.А. Бобровников, В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, Н.Н. Поппе, Д.А. Алексеев, Г.Д. Санжеев и др.]. Типы назывных слов в калмыцких авторских документах представлены теми же лексико-грамматическими значениями и категориями, характерными для агглютинативных языков. Грамматические особенности текста авторских документов исследованы нами с учетом традиций, свойственных старописьменному (халхаскому) языку монголов, анализа конкретных групп слов и общемонгольской письменной традиции. В рамках темы проведено лингвистическое исследование функционирования именных, глагольных форм и наречия. В данной главе выведены морфологические особенности авторских документов, и в результате были выявлены особенности словоизменения и формообразования. В исследовании этой темы мы придерживались концепции В.И. Рассадина.

4.1.1. В разделе **“Имя существительное”** исследованы образование категории множественного числа и система склонения. Приведены средства образования этой грамматической категории: аффиксальный (морфологический) и синтаксический (словосочетанием) *olon, keseq, kedüi*. Аффиксы: **-s, -d, -üd/-üü, -tan/-ten, -nar**. В авторских текстах обнаружен единичный случай употребления аффикса **-muud/-müüü** вместо **-nuud/-nüüü** (СПМЯ): *übül-züng-giyin yazarmuud* ‘зимние выпасы’, *bayarmuud* ‘бояр’. Показатель числа **-nar** входит в разные лексико-семантические поля, обозначающие людей: *axanar döüner* ‘братья’, употребляется по правилам СПМЯ *ngri-ner* ‘божества’, *blama-nar* ‘священнослужители, ламы’. По утверждению Т.А. Бертагаева [1964: 221], **-nar** заимствован из тюркских языков и выполняет обобщающую функцию. В языке писем встречается двойное множественное число: *хошoudiün sayidüüdnar* ‘хошутские знатные люди’ или *ноюдüü* ‘ноёны, ноёнство’. Аффикс **-tan/-ten** выступает как словообразовательный *gegënten* ‘Просветлённый, Светлость (титул)’, *amitan* ‘живые существа’ (мн. число). Редко употребляется аффикс **-s**: *zaryus* ‘суды’ и т.д.

Система склонения. Рассмотрены все типы склонения: простое (имеет полную парадигму склонения), возвратное и притяжательное (являются неполными типами склонения), сопровождаемые специальными возвратными и лично-притяжательными частями. Простое склонение представлено 9 падежами: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, орудный, совместный, соединительный, исходный и направительный. Падежные формы имеют одно или несколько значений, которые передают самые разнообразные смыслы и представляют собой отражения многочисленных предметных связей. Падежная система складывалась во взаимодействии и под влиянием категории определенности и неопределенности. В монголоведении нет единого мнения относительно данной категории [Санжеев 1940, 1953, Трофимова, 2001]. Вместе с тем существует деление падежей на основной и косвенные, неоформленный и оформленные.

Категория склонения представляет собой совокупность падежных форм. Каждая форма является носителем служебного грамматического значения, а также обобщенным выражением каких-нибудь связей, отношений предметов и явлений. Категория склонения исторически сложилась в монгольских языках как две системы падежей по признаку выраженности в них взаимодействия конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений или нейтральности к этим значениям [см. работы В.И. Рассадина, З.К. Касьяненко, 1980; Н.С. Яхонтовой, 1996, Р.П. Харчевниковой, 1983; С.М. Трофимовой, 2001; Д.А. Сусеевой, 2003; Л.А. Лиджиевой, 2004]. Каждому падежу, согласно данным, заключенным в текстах, присущи свои особенности. Особенность падежных окончаний также зависит от сочетания послелогов. В диссертационной работе проанализированы значения и функции тех падежей, которые выявлены в авторских текстах переписки эпохи Дондук-Даши.

Именительный падеж признан формой с нулевым показателем, обладающим падежным значением, совпадает с основой слова, выполняет функцию подлежащего, например, “*Ayidaxani güvārñator, polqöbniq Beqle-mišeb bolöd, biši čigi tendeki balyasudiyin axalaqčinar-tu xatuu zarliq ilgeqsen bei geji*” “Астраханский губернатор, говорят, направил строгий указ не только полковнику Беклемишеву, но и тамошним городским управам”. *Yeke gereltei tere yeke imperätiricayin xariyätu xalimagiyin xani oroci Donrob Raši Dalai Blamadu elči ...yabuluqсан* “Дондук-Даши – наместник Калмыцкого ханства, подданный Ее Императорскому Величеству, великой Императрице, направил посла ... к Далай Ламе» *xani oroci Donrob Raši* – подлежащее.

Родительный падеж – падеж определения и принадлежности, имеет следующие показатели и притяжания: *-yin, -iyin, -giyin, -ai/-ei, -ā/-ē, -ān/-ēn*. Употребление их зависит от основы слова (гласной или согласной). *Abuyin bičigi-yin učir...* “Содержание письма, отосланное Абуем, ...” Здесь родительный падеж в причастном обороте употребляется в значении, характерном для классического монгольского языка. *Mazagiyn batagiyn oyiro bayixudu duratai küügi...* “человека, желающего кочевать (букв. находиться) около Мазана и Батаги...” Здесь родительный падеж с послелогом *oyiro* ‘около, рядом’ – выполняет функцию косвенного дополнения – место нахождения. Данный падеж выполняет и другие функции: показывает отношение предмета ко времени, выражает принадлежность одного другому и т.д. О родительном падеже в трудах Г.И. Рамстедта [1957], Ц.Б. Цыдендамбаева [1979], М.Н. Орловской [1984], В.И. Рассадина [2003] сказано, что он в монгольских языках

представлен разными аффиксами и, соответственно, в зависимости от контекста, отличается от других падежей семантическим разнообразием, осуществляет широкую грамматическую связь между именами самых разных значений.

Винительный падеж – падеж прямого и косвенного дополнения, представлен формативами *-igi, -i, -gi, -yi, -yigi*, также употребляется с притяжаниями *-ān/-ēn*. *Xoyor küügi mini aba*. “Захватили моих людей”. ...*Ene dörbö-yigi xoyor zoun örküiyigi küce:ji möngkü medetügei geji öqbö bi* “Я выделил еще четырех, чтобы довести число семей до двухсот. Пусть Менке разберётся”. *Tegēd cāru nāru yabuqsan küü tonöd...* “Затем обокрал человека (людей), проходивших мимо...”. ...*γurban bičigi ötör ilgeyite...* “...отправьте, пожалуйста, три письма...” В монголоведении существуют разные точки зрения относительно употребления оформленного и неоформленного винительного падежа.

Дательно-местный падеж – многозначен. Он обозначает место, адресат, время действия, направление действия. Показателями являются *-du/-dü, -tu/-tü*, также употребляется с притяжаниями *-ān/-ēn*. Например: *mini sanān-du tere yeke xortoi youman sanaqsan geji bayinai bi* “По-моему мнению (или, как я предполагал), что он замыслил большое зло”. Здесь по тексту слово в дательно-местном падеже *sanān-du* в сочетании с личным местоимением *bi* в род. п. *mini* употребляется как вводное слово «по-моему мнению; я предполагаю». *Čini oyiro xaruul-du döcün yučin küün nige apicartai bayituyai* “Пусть рядом с тобой находятся в карауле сорок-тридцать человек во главе с одним офицером”. Здесь *xaruul-du* в дательно-местном падеже выступает, как обстоятельство места. *yeke imperatarıcaıın üyiledü itegeltei xariyātu boloji yabuxu bida geji ...* “мы, как верноподданные, даем согласие служить во всех делах Ее Императорского Величества...”. По тексту слово *üyiledü* употребляется в значении цели. *Yerü ejeni albatu mani xalimaq-tu neng kecöü bolxu* “нашим калмыкам, подданным Ее Императорского Величества, будет невероятно сложно (трудно)”. Здесь существительное *xalimaq-tu* употребляется в значении обозначения лица. В этих предложениях дательно-местный падеж употребляется в тех же значениях, свойственных этому падежу СПМЯ. В первом предложении словосочетание *mini sanān-du* – ‘по моему мнению’ – в современном языке стояло бы в орудном падеже. В данном контексте его можно рассматривать как вводное слово (ср. ‘*миний санахад*’, букв. ‘когда я подумаю’). Значения дательно-местного падежа здесь рассматриваются по тексту.

Орудный падеж употребляется для выражения орудия и места действия, средств передвижения, он многозначен. Показателями *орудного падежа* в авторских текстах являются: *-ār/-ēr, -ör/-ör, -bar/-ber, -yār/-yēr, γār/-gēr, -gö:r...* имеет притяжания *-ān/-ēn*. *Šang-giyin ongıocör mönggü yosör öq-či γatuldaq belei* “В (те времена) мы могли переправляться на казенных лодках за установленную плату”. ... *töüni zanggır özön-dü xaruul yabuqsan činiüciyin saq gedeq zayisang zuun küün yabuqsayigi γurban zuun küün basa dayilaji* “...по его сообщениям, в местечке Узун караул под командованием зайсанга по имени Чинучин Саг (сказал) сражался не со ста человек, а с тремястами человек”. *Urdaki yosör nige či xor ügei asaraji bayixuyin tölöö bi čigi itegüüsü ta čigi dāqtun* “Согласно древним традициям, для того, чтобы воспитывать его без каких-либо вредных привычек, я постараюсь внушить ему веру в себя и вы, в свою очередь, постарайтесь проявить выдержку, терпение». Словосочетание

urdaki yosōr употребляется в значении субъекта при побудительном залоге *itegüülsü* ‘постараюсь внушить’.

Совместный падеж. Показателями являются: *-tai/-tei*, а иногда сокращенный вариант *-tu/-tü*. По утверждению Г.Ц. Пюрбеева «суффикс *-tai/-tei* может подчеркивать предметный характер обозначаемого, а *-tu/-tü* – его признаковость» [Пюрбеев 1990: 37]. ...*tere tölō: odō tanāsa zakiji zaya sutai yazari xoril ügei bayixu-yiigi erinei bi* “...потому я в настоящем прошу вас дать указание не запрещать ловить рыбу в тех местах, где она водится”. В этом предложении имя в совм. п. *zayasu-tai* в сочетании с другим именем в вин. пад. *yazari* употребляется в значении определения ‘рыбные места’. Согласно традициям СПМЯ падежное окончание написано раздельно. Такое раздельное написание падежных окончаний наблюдается и в других падежах. В большинстве случаев существительные в совместном падеже в авторских текстах употребляются в значении ‘имеющий что-либо или обладающий чем-либо’, т.е. в значении обладания, а также обозначает совместность действия.

Соединительный падеж обозначается аффиксами *-lai/-lā*, *-lei/-lē* в отличие от *-lu/a/-lüge* в СПМЯ. *Tere emelē emči yaban Šarab küüne-leqsen belie*. “С той женщиной даже Эмчи Габан Шараб беседовал”.

Исходный падеж – падеж косвенного дополнения исхода действия, происхождения предмета. Он многозначен. Окончания: *-āsa/-ēse*, *-ōso/-ō:sō*: ... *Tani gegēnēse erinei bi* “Я прошу Вашу Светлость оказать милость”. *Gegēnēse* можно рассматривать как термин. *Odō yurban jilēse nāru elči bičigi mini yabuulād ödüi* “В течение трех лет (у нас с Вами была прервана переписка), в настоящем посланник отправит моё письмо”. Имя в исх. п. *jilēse* с послелогом *nāru* в значении протяженности, длительности во времени. В авторских текстах исходный падеж имеет следующие значения: обстоятельства места, исхода действия, причины действия, адресата обращения, условия совершения действия. Авторы в своих письменных обращениях активно используют данный падеж в значениях, приведенных в грамматиках А.В. Попова, А.А. Бобровникова и В.Л. Котвича. Значения имени существительного в исходном падеже выведены по оригиналу, по контексту.

Направительный падеж. Из всех монгольских языков собственно направительный падеж имеется лишь в калмыцком языке [Тодаева 1976: 108] со значением: падеж косвенного дополнения направленности действия. Аффиксами являются *-uur/-üür*, *-yuur/-güür*, генетически связанные с послелогом «уру». В анализируемых текстах авторских документов обнаружена лишь единственная форма направительного падежа. 1. ...*alyariyin yazāyuur ceriq cigi yekede yabunai* “В направлении Алгира часто проходят войска”. Имя в направительном падеже употребляется в значении направленности действия. В монголистике существуют различные точки зрения на функционирование данного падежа. По утверждению Г.Д. Санжеева (1953) и В.И. Рассадина [2010: 92], «...с появлением этого падежа часть функций дательного падежа перешла к направительному падежу...».

Таким образом, в авторских текстах наиболее частотными оказались родительный, винительный, дательный-местный, орудный, исходный, менее употребительны соединительный и направительный. Заимствованные слова также склоняются, но

окончания пишутся слитно, иногда даны через дефис, например: *Tatišibtu ... bariba* ‘Татищеву вручено’. *Birilkin-du bičibe* ‘Брылкину написано’.

Употребление двойных падежей в авторских текстах явление довольно редкое: сочетание формы двойных падежей имени существительного: формы совм.п. плюс вин.п. плюс личное притяжание 3-го л. *-ni döü=tey-igiyi-ni*, слово *ceriq=tey-igi* – формы совм. п. плюс вин. п. ... *ayouki xa:ni döüteyigiyini asaraqsan* “... хана Аюку воспитывали вместе с его младшими братьями”. *Xoyoriyinēn nigeyini ceriqteyigi namai uqtoulji ab geji elci ilgeji*. “Для встречи меня были направлены двое в качестве посла военный и ещё один”.

В монголистике наряду с термином ‘двойной падеж’ (*dabqur teyin ilyal*), существует термин ‘сложный падеж’ (*neyilemel teyin ilyal*), который отличается от простого падежа (*eng-iin teyin ilyal*). Причем сфера использования такого падежа достаточно ограничена, она охватывает лексико-семантическое поле “Человек”. Сложный падеж выражает различные отношения слов, обозначающих этнонимы, термины родства, названия профессий, сферу службы. В монгольских языках выделяется притяжательный тип склонения, показателем которого являются притяжательные местоимения, следующие за падежными формами. В связи с этим различаются лично-притяжательное и безлично-притяжательное склонения. Различают два типа частиц - возвратные и частицы личного притяжания. В грамматике В. Котвича [Котвич 1929: 186] и учебнике «Тодо бичиг» Д.А. Павлова выделено «склонение лично-притяжательное» и «возвратное склонение» [Павлов 104, 108]. Употребление возвратных частиц в текстах писем также зависит от характера конечного гласного или согласного в падежном окончании. Наиболее часто функционируют *-ān/-ēn* в сочетании с разными падежами, например: *itgeltei inaqtān oqbö* “вручил своему верному другу”; вин.п. плюс *-ān*. *ucirān tandu küceküyin tölöö* “... для решения своих планов, (намереваюсь поговорить с ...)”; *xaram ceriq mordoji irenei gēd küügēn ilgebebi* “говорят, в Крыму сосредотачиваются войска, поэтому я направил туда своего человека”; совм. п. плюс вин.п. плюс *-ni* *ayouki xāni döüteyigiyini asaraqsan* “хана Аюку воспитывали вместе с его младшими братьями” и т.д. В современных исследованиях предпочтительны термины «безлично-притяжательное склонение» и «безлично-притяжательная частица» [Чарков 1975: 117-118, Цыдендамбаев 1979: 78, Рассадин 1979, Харчевникова 2004: 305-309]. Напр.: *ucirni mini yeke imperator...* “все в воле Ее Императорского Величества ...” *üyiledü mani buruu bisi belie* “это не препятствует (не противоречит) действиям нашим”. *Odō bayixu kereq ni ügei*. “В настоящем нет необходимости в его пребывании”. В этих примерах частицы личного притяжания указывают на принадлежность предмета 1-му и 3-му лицам ед. и мн. числа. Частицы в текстах писем употребляются после падежного окончания либо слитно, либо раздельно. В текстах писем значение личного притяжания передавалось сочетаниями личных местоимений в родительном падеже: *mini* (1), *mani* (2): *mani yeke imperator* ‘наш великий император’, *mini buruu* ‘моя ошибка, вина’ и т.д.

Таким образом, язык текстов авторских документов переписки отражает характерные элементы авторской речи калмыцкого языка XVIII века. Значение падежных форм зависит от сочетания их с другими словами, а также непосредственно от лексического значения слова. Система склонения в авторских текстах представлена

теми же падежами, что и в грамматиках калмыцкого письменного языка. Каждый падеж характеризуется специальными показателями. Употребление падежных окончаний регулируется законом сингармонизма.

Письма Дондук-Даши сохранили свойственные монгольскому деловому письменному языку традиции, а также привнесли в нее новое, что было присуще русскому эпистолярному стилю.

4.1.2. Имя прилагательное (качественные и относительные) в авторских текстах характеризуются теми же лексико-грамматическими значениями, свойственными СПМЯ (признака, качества, свойства), где лексическое и грамматическое значение определяются по контексту. В авторских текстах синтаксическая связь оформляется способом – примыкания. При словоизменении прилагательные являются субстантивированными прилагательными, и употребляются в функции имени существительного: *moudān kürkü* ‘страдать от безысходности’. Слово сочетание *yeke gereltei* выступает как термин ‘высочество’, *yeke ezen imperātirica* ‘великая императрица’, *xalimagiyin xani oroči* ‘наместник калмыцкого хана’. Прилагательные характеризуются наличием степени качества, выражающейся при помощи служебных слов: *nige yeke batutai küügēr dālyād abuqtun* “поручите самому надежному человеку”. При словообразовании имя прилагательное выступает в обозначении принадлежности к социальной прослойке общества, например, *muxulai* ‘слуга’ и т. д.

4.1.3. Имя числительное. Группа вещественных слов, отражающих количественную и характеристику явлений действительности – числительные, соотносятся с субстантивностью и вербальностью. Спецификой числительных, отличающих их от всех остальных частей речи, являются абстрактно-количественные значения. Отвлеченность их значений объясняется, по-видимому, самим процессом познания действительности, так как понятие числа возникает на той стадии познания, когда при рассмотрении предмета человек отвлекается от всех других свойств предмета, кроме количественных, например, *Tere xoyortu ög geqsen zarliq tandu biy bolxuna ta medekü ülü bayinu* “Об указе, в котором предписано, вернуть тем двоим (деньги), вам ведь должно известно. Не так ли?” В авторских текстах часто употребляются количественные и порядковые числительные, образованные аффиксами *-duyār/-dügēr*, *-duqči/-dügči*. Аффикс *-duqči/-dügči* употребляется реже. В зависимости от контекста некоторые порядковые числительные могут выступать как наречные слова: *nigedügēr* ‘первый; во-первых’, *xoyo(r)duyār* ‘второй; во-вторых’. Характерной особенностью числительных, оканчивающихся на неустойчивый *-n* является то, что *-n* сохраняется при словоизменении, например, *nigeni* (*-i* окончание винительного падежа). Возрастные числительные употребляются редко, в основном при обозначении возраста или пола животных: *γunan* ‘трёхлетний’, *dönön* ‘четырёхлетний’; *dönöjin* ‘четырёхлетняя тёлка’. В исследуемом материале обнаружен единичный случай употребления слова *dönön sara* в значении ‘четвертый месяц, т.е. апрель’.

4.2. Местоимение. Данная группа слов в монголоведении разработана В.И. Рассадиным и выведена как система знаменательных слов, имеющих вещественное и окказиональное значение. Эти лексеммы получают значение тех предметов, признаков и того количества, обстоятельств и действий/состояний, на которые указывают в момент речи. В отличие от слов-названий, местоимения составляют группу слов обобщенных указаний, не соотносящихся с конкретными предметами или явлениями

ми окружающей действительности. Так, *bi* – любое сообщающее лицо, *tiyim* – любой статичный признак, *tödiüi* – любой количественный признак и т.д. Таким образом, калмыцкие местоимения соотносятся не только с именными словами, но и с наречиями, глаголами, числительными. По характеру выраженной модальности местоимения делятся на вопросительные, положительные, неопределенные. В каждой из них выделяются подгруппы по соотнесенности с определенной группой слов-названий: субстантивные, адъективные, вербальные, адвербиальные, нумеральные. В авторских текстах самой частотной является именно эта группа слов, особенно личные местоимения, проявляющиеся в своих падежных значениях. *Dasang nada uludsi čima-dēre cuqluuluya. Čimayi bi itegegebi.* “Дасан: поступим так: мой улус пусть будет вместе с твоим улусом, Тебе я верю”. *Urda bidnai xayiran ölzöyigöör bayan bolöd zarlaji bayidaq belie.* “В прежние времена благодаря нашим стараниям и нашим традициям (выращивать скот) стали богатыми и даже могли торговать”.

4.3. Глагол является одной из основных частей речи в монгольских языках. Глагольные формы представлены, согласно грамматике монгольского классического языка, окончательными и неокончательными формами. В современной монголистике данный термин вытеснен и обозначен личными – финитными и неличными – инфинитными формами. Основная синтаксическая функция глагола – сказуемое, занимающее конечную позицию, выраженную его личной формой (повелительно-желательными и изъявительными формами). Многократность, однократность и постоянство действия осуществляется причастными формами. Главное отличие их от финитных форм заключается в том, что причастные формы могут употребляться не только в качестве сказуемого, но и других членов предложения, деепричастные – в функции обстоятельственных членов предложения, однородных сказуемых или сказуемых в деепричастных оборотах. В исследуемых авторских текстах глагол является одним из частотных грамматических классов слов и реализует все свои грамматические категории: наклонение, время, залог, вид. Глагол характеризуется следующими грамматическими признаками: 1) семантикой (обозначает действие, состояние); 2) морфологическими категориями и значениями; 3) словообразовательными средствами; 4) синтаксическими функциями; 5) грамматической сочетаемостью.

4.3.1. Личные (финитные формы). В авторских текстах личные формы употребляются в исконном значении, занимают только конечную позицию в предложении и являются предикатом. К личным формам относятся изъявительные формы настоящего-будущего и прошедшего времени, побудительно-желательные формы, представленные категорией лица. В монголоведении известно несколько косвенных наклонений. Формы, выражающие пожелание, намерение, приказание и предостережение относятся к косвенным наклонениям и принимают одно и то же отрицание, свойственное только им: *bü* (*bü*). Н.С. Яхонтова выделяет в ойратском литературном языке следующие типы косвенного наклонения: повелительное, волитативное, пропозитивное, предостерегательное, со всеми показателями, характерными для этих форм глагола [1996: 83-84]. В описании функционирования глагольных форм в авторских текстах использованы грамматики А.В. Попова, А.А. Бобровни-

кова, В.Л. Котвича, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеева, исследования М.Н. Орловской, В.И. Рассадина, Н.С. Яхонтовой, монгольских, бурятских, калмыцких учёных.

Личные (финитные) формы, в авторских текстах представлены следующими аффиксами настоящего-будущего времени: *-nai/-nei*, *-noi/-nöi*, *-na/-ne*, что касается форм на *-mui/-müi*, *-nam/-net*, то их употребление в авторских текстах не обнаружено, конкретное время определяется по контексту. Формы прошедшего времени с аффиксами: *-bai/-bei*, *-ba/-be*, *-bo/-bö*, *-lai/-lei*, *-loi*, *-la/-le*, *-ji/-či*, а показатель классического монгольского языка *-juxui/-jükiüi* в языке авторских текстов отсутствует. Например: *zunai bida čigi künesü yulir bolōd xoyor amin-duni neǰēd sāli ūker öǰüqseni yimi ügeyitei keseq ulusni bayinai* “в летнее время нашей пищей была только мука и затем дали на две души по одной дойной корове, таких бедных оказалось несколько человек” *Nige tabiyi bambarai šongxor geqči küün axalagi odnoi* “Командиром одной группы из пятидесяти (букв. «одной пятидесятки») направляется Бамбарай Шонхор”. *Xaram Xubuni zügēse zanggi zai ügei gene*. “Говорят, нет каких-либо особых известий с Крыма и Кубани (не поступало)”. *Ende bida ču yurban erdeniyin ibelēr Yeke imprātoriyin xayiran-du amur mendü bayinai* “Здесь мы с Благословения Трёх Драгоценностей и любовью Ее императорского Величества пребываем в добром а пребываем в добром здравии (благополучии)”. Например: *Tere dēre ezeni kešiq idē mönggü ideji töügēr xanji* “С благословения императрицы (Дарма-Бала) получала продукты и деньги и была этому очень благодарна”. *Tere caqtu Yāqob Samsoonob čigi tandu sonosxuji küünebe je* “В тот самый период (время) даже Яков Самсонов извещал Вас (об этом)”; *küünei küböün küüken xoyortai nige nayijinar yurban büleyigi... boronki gedeq küün bulāji ablai* “чужих детей, мальчика и девочку, и еще женщину из трех семей человек по имени Боронки (букв. *найижинар* женщина) захватил”. *Tani Ejil yatultun geqsēr mendüsiin Ejil yatulba bida* “По Вашему совету благополучно переправились мы по Волге”. *Noyōn yabu geküdü odoloi bi* “С разрешения нойона отправился я”. *yatulba bida, odoloi bi* глаголы в форме прошедшего времени с лично-притяжательным местоимением, такое явление характерно авторским текстам. *2-duyār xalimaǰiyin ulus dotoro kümü alaji* “во-вторых, в калмыцких улусах произошло убийство”. Ω -*duyār tenedi ed malārni kücēji öqčī* “и в-третьих, им вернули полностью их имущество, и их скот”. (порядковые числительные *2-duyār* и Ω -*duyār* выступают как наречие). Из анализа предложений следует, что действия выраженные финитные формы настоящего-будущего и прошедшего времен в конце предложения выполняют функцию простого и составного сказуемого *kücēji öqčī* ‘выдал’, *bulāji ablai* ‘отобрал’. Они в пределах конкретного времени выражают конкретное действие, обусловленное самой реальностью.

Повелительно-желательные формы 1,2,3 л. выражают повеление, желание, волю говорящего, чтобы какое-нибудь действие было совершено. Поскольку говорящий в своей речи, как правило, всегда обращается только ко второму лицу, то эти формы часто употребляются в языке авторских текстов, именно в разговорном варианте. В авторских документах часто употребляются и повелительно-желательные формы с аффиксами *-tuǰai/ -tügei, -qtun/-qtün*, а форма *-suǰai/-sügei* в ее усеченном варианте или по терминологии А. Бобровникова, в разговорном эквиваленте *-su/-sü*. Напр.: *Öböro törüqsen nutuq bucatuǰai kemeqseniyēr* “... поскольку было сказано, пусть они сами возвращаются в родные кочевья...” Из повелительно-

желательных форм реже употребляется *повелительно-просительная форма 1-го лица* ед. и мн. числа с аффиксами: *-ya/-ye/-yö/-yö, -su/-sü*. Например: *поуон болыоји öргүйе* «давайте изберем (-те) главой (досл. 'возведем (-те) его в нойоны')». Форма 2-го лица на *-qtun/-qtün* активно употребляется в авторских текстах. Например: *yeke ezeni üyiled či ta ariün tungyalaq yeke gegētei uxān-dān ilyajı medeqtiin* 'Вы, управляющий делами Ее Императорского Величества (букв. 'обладающий глубоким умом'), постарайтесь разобраться».

Форма желательного наклонения употребляется с оттенком просьбы, призыва говорящего ко второму лицу. Например: *urdaki yosör nāru ilgeyita* "пожалуйста, направьте Вы (его) сюда, согласно прежним традициям (обычаям)". Слово *ilgeyita* можно рассматривать следующим образом: *ilge* - основа глагола 2 л. повелительного наклонения плюс *-yi(-yü)* - аффикс формы вежливого обращения, поэтому перевод оформлен словом 'пожалуйста' *+ta* 2 лицо повелительной формы глагола, выступает как лично-предикативная частица 2-го лица. 'пожалуйста, отправьте'. По тексту слово *ilgeyita* переведено с оттенком вежливости 'пожалуйста, отправьте'. В исследуемых авторских текстах переписки наблюдается, в основном, употребление этих форм, более характерных для разговорного языка, поскольку соучастниками диалога являются 1-е лицо – проситель, 2-е лицо – исполнитель.

Вышеприведенные финитные формы вместе с лично-предикативными частицами в сочетании с аффиксами демонстрируют семантику времени, а также семантику наклонения.

4.3.2. Неличные формы. К неличным (*инфинитным*) формам глагола относятся причастные и деепричастные формы. Следует отметить, что их функции и значения в авторских текстах не отличаются от классического монгольского языка. В монголистике данные формы достаточно исследованы (см. труды Ц.Б. Цыдендамбаева, М.Н. Орловской, В.И. Рассадина, Г.Ц. Пюрбеева, Ч.-Ж.Ц. Цыдыпова, Н.С. Яхонтовой, Р.П. Харчевниковой, Д.А. Сусеевой, Л.Б. Бадмаевой и др.). В калмыцких авторских текстах выведены следующие причастные формы: а) причастие настоящее-будущего времени с аффиксами: *-xu/-kū, -xui/-kūi*; б) причастие прошедшего времени *-qsan/-qsen; -san/-sen*; в) причастие многократное (настоящее) *-daq/-deq, -doq/-döq*; г) однократное причастие с аффиксами: *-qči*; д) причастие на *-ya/-ge*. Причастия употребляются с лично-притяжательными частицами и частями отрицания. *Mandu belen monggün ügeyigi ta čigi medekū* "О том, что у нас нет в наличии денег, Вам ведь хорошо известно". *Parpiustu bayiqsad-ni manı nutuyāsa xuluyai yekede keji...*"Те, находившиеся на форпосте, часто совершали кражи в наших кочевьях..." *Bayiqsad-ni* – субстантивированное причастие прошедшего времени, *-d* - показатель множественного числа с притяжательной частицей *-ni*. *Xatugi ayiladuqči dötügēr Dalai blama gegenten* "Всесовершеннейший Его Святейшество Далай-лама четвертый". Аффикс однократного причастия *-qči* выражает значение имени деятеля.

Деепричастия. По утверждению М.Н. Орловской, высокая частотность их употребления, исключительное разнообразие форм значений и синтаксических функций ставят деепричастие на первое место среди других глагольных форм [1984: 133]. В текстах авторских документов деепричастные формы глагола являются более употребительными, чем другие формы. Деепричастия подразделяются на следующие классы: сопутствующие (соединительное *-ji/-či*, слитное *-n*, разделительное

тельное *-ād/-ēd, -ōd/-öd, -īd, -ūd*); обстоятельственные: (условное: вместо *-xula/-küle*, часто употребляется другой его вариант: *-xuna/-küne: bičiq ireküne ...* ‘если письмо (распоряжение, указ) поступит...’; уступительное значение передаётся сочетанием собственнo глагола прошедшего времени плюс частица *čigi: irebe čigi* ‘хотя пришёл, прибыл’; отрицательное деепричастие также образуется сочетанием основы глагола в форме побудительного залога и плюс отрицание *ūgei: yabul ūgei* ‘не отправляя’; деепричастие предела с аффиксами *-tala/-tele yabutala* ‘пока шёл’; предварительное деепричастие *-maqca/-meqce abumaqca* ‘как только взял, получил’. ...*daxoulji odöd säki mini mün geji iremeqce...* “и повел (его), как только подошёл, сказал ‘это действительно моё’”; продолжительное деепричастие *-qsayār/-qsegēr*. В языке авторских документов не обнаружены следующие деепричастия: цели с аффиксами *-ra/-re*, приготовительное *-run/-rūn*. Продолжительное деепричастие с аффиксами *-qsayār/-qsegēr* в авторских текстах употребляется редко, чаще усеченная форма *-sār/-sēr*. В качестве критерия рассмотрения состава деепричастий нами использован функциональный признак – способность определить главное действие через зависимое действие: ...*teyimi šidar bayitala öbösoon idöülēd axalaqči gübdülēd nige küünēn yar čabčülād* “были в полной растерянности (из-за) того, что сено было свезено, глава избит, а у одного нашего человека разрублена рука...”. В этом предложении разделительное деепричастие переведено как однородное сказуемое; оно выражает действие, сопутствующее главному действию. Сопутствующие деепричастия часто употребляются сказуемыми деепричастных оборотов. *Tegēd yamar zöbiyini ta šinjileji medekü ülü bayinu* “И тогда Вы сами, наблюдая за ситуациями, поймёте, в чём причина”.

Из лингвистического анализа следует, что в авторских текстах переписки функционируют все глагольные формы: финитные (личные), инфинитные (неличные). Они не имеют существенных отличий от соответствующих форм классического монгольского языка. Некоторые причастные и деепричастные формы имеют письменную и устную, разговорную разновидность *γaruqsan~γarsan* ‘вышел’, *γaruγad~γarād* ‘выйдя’. В конце предложения в функции сказуемого данные формы употребляются в сочетании со служебными словами или связками, лично-предикативными и отрицательными частицами. *Töüni oyiro mani čigi xaroul bayilcaxuna sayin bolxu sanji bida. Ese teyiküne xasagi itegeji bolxudu kecöü bolnoi* “И там и здесь нам нужна охрана, думаем мы это выход. Казахам доверять нельзя, Если не будет охраны, мы можем пострадать”. В современном калмыцком языке некоторые деепричастия перешли в разряд служебных слов или наречий.

4.3.3. Категория залога как формообразовательная категория глагола, частично выражающая в нем синтаксические субъектно-объектные отношения в предложении, представлена специальными залогообразующими аффиксами. Характер залоговых отношений вскрывается при помощи залоговых аффиксов, падежных форм, пассивности и активности, синтаксическим строем. Анализ авторских документов выявил формы пяти залогов: действительный, страдательный, побудительный, совместный и взаимный. Каждый из них характеризуется особыми словообразовательными показателями при глагольной основе и соответственно значениями. В работе приведены точки зрения учёных-монголоведов на характер употребления залоговых форм в ойратском, старописьменном калмыцком языке (Г.Д. Санжеев,

Р.П. Харчевникова), «...оформление глагольной основы, которое указывает на отношение субъекта к действию, но не на отношения субъекта к объекту» [1963: 63; 1996: 15, 25]. В современном монголоведении существуют три основных точки зрения на характер залоговых отношений. Как пишет Н.С. Яхонтова, «глагол в форме страдательного залога может выражать самопроизвольное действие, когда не указывается реальный исполнитель действия» [1996: 80]. Напр., *Ene balyasun-du barigdād bayiqsāran xariu ülü yabuxu*. “Оказавшись пойманными в этом городе, назад не (не смогли возвратиться) возвратились”. *Bičigiyin xariu ötörkөн yabuultuyai* “Как можно срочно пришли ответ (на письмо)”. *Bida dayisantai buudalcaba*. “Мы перестреливались с противником”. *Töünēse ulum besteneyigēse aduu abād töünēse ulum dayiluldād üküлceji*. “Более того, у жителей Бестенея угнали табун, и еще более того, беспрестанно перестреливались и убивали друг друга (стреляли друг в друга)”. *Tere tölö: nada orolcoхu kezöü bolnoi*. “Поэтому мне сложно вмешиваться” и т.д. Многие формообразующие залоговые аффиксы перешли постепенно в словообразовательные, что бывает при лексикализации залоговых форм, например, *sanaxu* ‘думать, вспоминать, мыслить’, *sanaqdaxu* – ‘казаться, представляться’ и т.д.

4.4. Наречие. В общем языкознании существуют разные точки зрения на самостоятельность данного класса слов. По определению В.В. Виноградова (1947, :338), «категория наречия определяется совокупностью морфологических, синтаксических и семантических признаков». В монографиях учёного М.У. Монраева (1980) и монгольского учёного Ц. Барайшира (1970) наречие представлено как самостоятельная неизменяемая часть речи, в монгольских языках она обусловлена своеобразием, объективной внутренней природой образования. В авторских документах калмыцких ханов обнаружены следующие типы наречий: обстоятельственные наречия места со значением местонахождения *nāna~naγan-a* на ‘этой стороне’ (срав. стп.-м. *cāna=cā~čaγan-a* ‘по ту сторону’), обстоятельственные наречия со значением направления движения, которые в СПМЯ и ойратской письменности употребляются одинаково: *qoyina ~ хоуино* ‘пространство, позади, сзади’, *nāru cāru xuduldān keji yabuxu-duni orus xalimaq ken kümün bulāxu tataxu xor xādaq bu keqtiin* “любому, кто бы ни был русский или калмык, занимающиеся торговлей, никто не должен препятствовать их делу” (или “в тех местах, где русские, или калмыки занимаются торговлей никто не должен совершать кражу, препятствовать или вредить им”). Наречия времени выражены словами типа *öčiqdör* ‘вчера’, *mangyadur* ‘завтра’, *ödörtön* ‘в течение дня’. Обстоятельственные функции при глаголах выполняет «чистая» основа наречий типа *ötör=ötörkүн* ‘быстро, незамедлительно, срочно’, *xariu ötörkүн bičitügei* ‘ответ срочно пришлите’. *Neng ilöü yekede tonoji geji ayiladdxaji ülü bayinu*. “Разве (я) не извещал о том, что весьма (чрезмерно) велики потери” и т.д. Синтаксические функции наречий сводятся к различным типам обстоятельств, примыкающих к глагольному сказуемому.

Таким образом, анализ словообразовательной системы наречий, представленный в авторских документах середины XVIII в., показал, что она характеризуется общемонгольским типом образования. В авторских документах широко используются все группы наречий и наречных слов.

4.5. О некоторых особенностях синтаксических конструкций. Поскольку рассматриваемый нами материал представляет в основном авторскую речь со всеми

вытекающими отсюда особенностями, то структура предложений в них отличается от других типов текстов. Для субъектно-объектных отношений здесь не обязательна строгая локализация членов предложения. Вариативные возможности построения предложений объясняются действиями различных факторов, прежде всего воздействием обиходно-разговорной речи, конкретными условиями, в которых осуществляется акт коммуникации и познавательной установкой автора и адресата. Здесь также следует отметить и такой фактор, как смешение письменной формы литературного языка и устной. В монгольских языках зависимые члены предложения традиционно должны предшествовать главному, а сказуемое должно замыкать предложение. Однако в авторских текстах переписки нередки случаи отступления от такой схемы расположения членов предложения. Поскольку предложение построено на одностороннем заочном диалоге, то здесь наблюдается транспозиция подлежащего. В структуре предложения также имеет большое значение акцент-мысль говорящего, пишущего. По утверждению Г.Ц. Пюрбеева [1999] – исследователя синтаксиса калмыцкого языка, «...порядок слов в предложении часто определяется «кумулятивным эмфазисом», т.е. закономерным переходом от наиболее важной информации к менее важной, второстепенной». Это утверждение, по сути, реально отражает структуру предложения в авторских документах переписки XVIII в. Связь слов в простом предложении представляет особую структуру, построенную в диалогической форме, выражает тем самым различные смысловые оттенки, а порой и новую семантику слова. Напр.: *Biroü Cerin basa ene ödür kelenei* “Бируу Церен также именно сегодня сообщает (эту новость)”. *Narma Jab gedeq zayisang basa tere zanggi sonosobobi geji nada ene ödür ireji kelebe* “Зайсан Нарма Жав, придя сегодня ко мне, рассказывал, что он также слышал эту новость”. *Menderi elçiyin aman-du bāxan üge bei*. “В уста посланника Мендеря вложены слова”. В вышеприведенном предложении сказуемое выражено финитной формой глагола настоящего *kelenei*= и прошедшего времени *kelebe*. Во втором предложении диалог передан посредством служебного глагола *geji*, который вводит прямую речь и переведен союзом «что». В авторских документах Дондук-Даши прямая речь передается в косвенной форме при помощи служебного глагола *gekü* в нужной форме, что характерно конструкциям предложений делового стиля в калмыцком письменном языке XVIII в.

Заключение. Данная работа является попыткой комплексного лингвистического исследования строевых элементов и палеографических особенностей калмыцких авторских документов переписки Дондук-Даши и его современников. Эти источники как особые письменные памятники не имеют аналогов в изучении истории становления калмыцкого национального языка.

В сравнительно-историческом плане с данными СПМЯ описаны графические, фонетические и орфографические особенности употребления гласных и согласных в слове и слове, установлено своеобразие лексики и терминологии авторских текстов; рассмотрены общемонгольская и калмыцкая лексика, заимствования, а также фразеологические и другие устойчивые сочетания. Описана морфология старописьменного калмыцкого языка.

Авторские тексты переписки в отличие от других письменных памятников того же самого времени наиболее ярко и непосредственно отражают калмыцкую речь со всеми её диалектными особенностями. В них чётко просматривается преемствен-

ность общемонгольской письменной культуры и традиции русского эпистолярного этикета.

В Приложении даны тексты в транслитерации на латинице с переводом на русский язык и алфавитный словарь писем (1200 единиц).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монография. Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII века.) Издательство «Джангр». Элиста, 2011, усл. печ. л. 11,0.

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях из перечня ВАК:

1. Кокшаева Н.О. К вопросу о характере письменных памятников XVIII в. // Вестник Бурятского госуниверситета – 2007. – Улан-Удэ. С. 178-181.
2. Кокшаева Н.О. Вопросы исследования письменного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (1735-1761 гг.) // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 8 (15) – Часть II. Тамбов. – С. 85-88.
3. Кокшаева Н.О. Структурная характеристика калмыцких авторских документов эпохи Дондук-Даши XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН – 2013 – Элиста, 2013 (в печати).

В материалах международных конгрессов и конференций:

4. Кокшаева Н.О. Письма Аюки-хана и Чагдорджаба как источники изучения истории калмыцкого языка (на англ. яз., в соавторстве) // Материалы PIAC. Хельсинки, 1999. С.89-92.
5. Кокшаева Н.О. Письма Чагдоржаба как важнейший эпистолярный источник изучения калмыцкого языка XVIII в. // ICANAS XXXVII Конгресс востоковедов. 2004. Москва. С. 82-84. Сертификат.
6. Кокшаева Н.О. Буддийские термины в авторских документах переписки XVIII в. // Тезисы. ICANAS XXXVIII Конгресс востоковедов. Анкара (Турция), 2007. С 11.
7. Кокшаева Н.О. Об одном документе XIX в. на шелке на заяпандитской письменности // Кочевая цивилизация великой степи: современный контекст и историческая перспектива. Материалы международной научной конференции. Издательство «Джангар». Элиста. 2001. С. 156-161.
8. Кокшаева Н.О. Два письма Аюки-хана Петру I. // Монголоведение в новом тысячелетии. Материалы международной научной конференции. Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста, 2004.
9. Кокшаева Н.О. «Андгар» – клятва как своеобразный памятник калмыцкого языка XVIII в. // Материалы международного конгресса «Азия в Европе»: взаимодействие цивилизаций. Ч.1. (по гранту РФНФ). Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста. 2005. С. 68-71.
10. Кокшаева Н.О. Отражение калмыцко-русских отношений в авторских документах XVIII в. // Материалы международной научной конференции: Ойраты и

калмыки в истории России, Монголии и Китая. Издание Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2007. С. 177-184.

11. Кокшаева Н.О. Титулы и звания в авторских документах XVIII в. // Материалы международной научной конференции, посвященные 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста, 2009. С. 254-257.

12. Кокшаева Н.О. Датированная рукопись XVIII в. на ойратском письменном языке. // Материалы международной конференции «Проблемы монголоведных и алтаистических исследований». Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста, 2009. С. 106-109.

13. Кокшаева Н.О. О некоторых нормах орфографии в письмах калмыцкого хана Дондук-Даши // Материалы международного научного форума «Культура монголоязычных народов в глобализирующемся пространстве». Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста. 2012. С. С. 51-64.

В других изданиях:

14. Кокшаева Н.О. Kalmyk history and traditions as reflected in Oirat manuscripts – Writing in the Altaic World – Studia Orientalia 87, Helsinki – 1999, 195-200.

15. Кокшаева Н.О. Письма Дарма Балы // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности. Издательство «Джангар». Элиста, 2002. С. 84-89.

16. Кокшаева Н.О. К проблеме перевода ойратского текста на русский язык // Русский язык в инонациональном окружении. Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста. 2004. С. 49-59.

17. Кокшаева Н.О. Отражение терминов родства в письмах Дондук-Даши (середина XVIII в.). // «Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики». Материалы постоянно действующего семинара. Выпуск 2. Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста, 2007. С.206-208.

18. Кокшаева Н.О. Категория числа в монгольских языках // Материалы международной конференции. «Гуманитарная наука юга России». Международное и региональное взаимодействие. Издание Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2011. С.110-113.

19. Кокшаева Н.О. О содержании и структуре авторских документов переписки середины XVIII в. // Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию Д.Н. Кугультинова. Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста, 2012. С. 192-196.

20. Кокшаева Н.О. Некоторые аспекты переписки калмыцкого хана Дондук-Даши (сер. XVIII в.). // Сборник «Проблемы современного монголоведения. К 70-летию Монгольского госуниверситета». Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста. 2012. С.

Учебно-методические пособия и переводы:

22 Кокшаева Н.О. Учебное пособие «Монгольская письменность» XIII в. (11,8 п.л.) Издание Калмыцкого госуниверситета. Элиста, 2002.

23. Кокшаева Н.О. Методические указания и учебная программа к пособию «Монгольская письменность XIII в.» (1,8 п.л.) Издание Калмыцкого государственного университета. 2003.

24. Кокшаева Н.О. Учебное пособие «Монгольская письменность» XIII в. (21,8 п.л.) Гриф УМО **МОиН РФ** для студентов по специальности: 021700 «Филология» (дополненное переиздание). Издание Калмыцкого государственного университета. Элиста, 2005.

